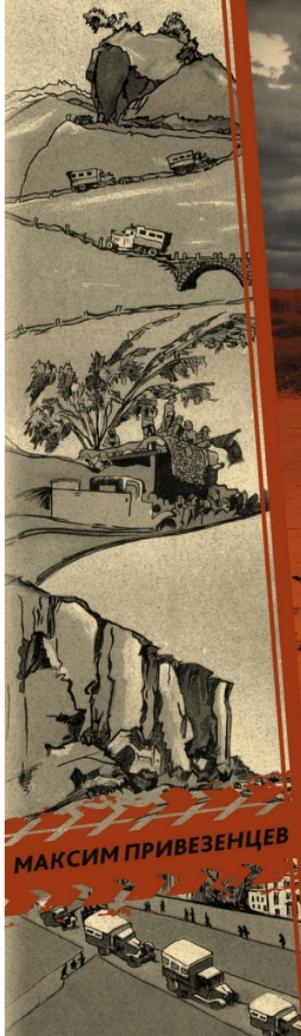

18+

ДЕРВИШИ НА МОТОЦИКЛАХ

МАКСИМ ПРИВЕЗЕНЦЕВ

Кастийские
кочевники

АНДРЕЙ ПОЛОНСКИЙ

18+

Максим Привезенцев
Андрей Полонский
Дервиши на мотоциклах.
Каспийские кочевники
Серия «Книги о путешествиях», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42921538
SelfPub; 2019*

Аннотация

Испокон веков настоящие мужчины покоряли реальность: воевали, открывали новые земли, строили города, устанавливали спортивные рекорды. Настоящий мужчина – герой этой книги, Максим Привезенцев не просто осуществил путешествие по странам Азии на своем верном Harley-Davidson, он покорил пространство шести азиатских пустынь – физически и ментально. Его история – для мечтателей, путешественников, любителей экстрима, для сильных духом, для тех, кто любит жизнь и жаждет приключений. Артур Чилингаров, исследователь Арктики и Антарктики, первый вице-президент Русского географического общества, Герой Советского Союза, Герой Российской Федерации.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Мототрип от Каспия – через Туркестан – в Персию, и обратно.

«Судьба у меня в руках, и счастье всегда со мной».

Тимур Тамерлан

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, зовущая в дорогу

I. Танцующие в песках

«Располагайтесь уютней, будто бы дома», – не очень ловко соединяя слова и мешая английский и фарси, сказал кальящик. И я сразу задумался. Здесь, в Персии, в Дарбанде, над этой горной речкой, полулежа на чужой тахте – дома? Такой разрыв шаблона – казалось бы, резче и не придумаешь. Ведь тут совсем не Запад. И тем более – не Россия, хотя что-то общее с ней найти можно, особенно при желании. Здесь тоже в воздухе стоит История, истории, и все-таки я никак не дома. Скорей, наоборот. В неожиданное время, в неожиданном месте – это как раз про меня. Все старые планы наперекосьяк, все прежние замыслы – побоку. В сущности, как раз сейчас я должен был бы готовиться к поездке в Чили. И я обязательно когда-нибудь пересеку Чили с севера на юг. Может быть, даже окажусь в Антарктиде. Это давняя мечта, она тревожит меня еще со времен кругосветки, – прокатиться на мотоцикле по вечному льду. Пусть всего пару километ-

ров – какая, в сущности, разница? По крайней мере, до меня еще ни одному идиоту подобная идея не приходила в голову. Или я обольщаюсь? Ладно. Там, где я сейчас, этот вопрос не имеет ни малейшего значения. В тегеранской кальянной над горной речкой, среди студентов, молодых бизнесменов и старых киношников, мне, как и многим европейцам на Востоке, кажется, что время почти остановилось. И какой же это обман, самоуспокоение прилипчивого разума...

После долгой и непростой дороги пауза – самая соблазнительная вещь на свете. Выпадаешь из потока, сидишь себе, куришь.

За спиной четыре тысячи километров, путь через пески и степи Казахстана и Узбекистана, безумное число препятствий – падения, поломки, пограничные траблы. С чего все началось? Казалось бы, простая история.

В прошлом году я показывал в Питере документалку, к которой имею самое прямое отношение. Она так и называется – «Это все мое». Фильм о путешествии от Сахалина до Санкт-Петербурга на мотоциклах «Урал». Мы с друзьями повторили маршрут моего деда, участника знаменитого ралли «Родина». Тогда его приурочили к 50-летию революции. В прошлом году было сто лет революции, но как же изменился мир! К лучшему, к худшему? – все это пустяки, пустые разговоры. Наверное, все-таки к лучшему, но совсем в другую сторону, чем они мечтали пятьдесят лет тому назад. Однако есть то, что объединяет нас, вопреки всему – полити-

ческим лозунгам, домашним привычкам и художественным вкусам. То же нехватное пространство, которое мы прорезали через полстолетия после них – почти так же, как и они; тот же порыв, то же стремление – с востока на запад.

...После просмотра, как это часто случается, мы долго и возбужденно болтали с друзьями, не могли остановиться. Странствия всегда провоцируют. Длинные рассказы, оживленное: «А вот я... а вот мы...» Наши собственные истории вплетаются в общую сказку о стране и государстве; судьбы наших родителей, их родителей и так далее, до седьмого колена. Коньяк, виски, сигара, старый приятель Вадим, коренной питерец Ипполит, прекрасная хозяйка дома Инга, муж ее Костя, мой давний партнер по бизнесу, за окном – центр Петербурга. Что еще надо для задушевной беседы? Глаза блестят, лица покраснелись...

Уже вечером, когда все укладывались спать, Инга решила сделать мне хороший подгон – принесла стопку старых машинописных листков с правкой синим химическим карандашом.

«Вот, посмотри, – сказала она, – немного в тему. Дневники моего деда, Бориса Семевского, участника автопробега по пустыне 1933 года. Они тогда, на тех смешных и постоянно ломавшихся машинах, в основном, первых советских и потрепанных американских грузовичках, прошли сквозь пески, по полному бездорожью, несколько тысяч километров. Если вчитаться, больше всего это напоминает банальный по-

двиг. Зачем, ради чего? – они были уверены, а мы хренеем. И знаешь, где-то их путешествие рифмуется и с мотопробегом твоего деда, да, собственно, и с твоей историей».

Я произнес стандартное «спасибо», взял стопку пожелтевших листков, и уже не мог оторваться до утра. Глоток виски, сигара, и снова полное погружение в дела и замыслы людей, подобных которым давно уже нет и, может быть, никогда не будет на этой земле.

Они двигались вперед, твердо уверенные в том, что после них мир станет другим. Лучше, совершенней. Они знали, что им дано преобразовать небо и землю, дать пустыне – воду, людям – свободную и благополучную жизнь. А чем все это кончится, как разрешится, даже не могло прийти им в голову. Если они в чем-то и сомневались, то о своих сомнениях не могли попросту заикнуться, – под страхом смерти. Но в любом случае тут присутствовала страсть искренних пассионариев, – как сказал бы Лев Николаевич Гумилев, еще один неизбежный герой любой азиатской истории.

А на чем сердце успокоилось? Смешно сказать. Сегодня, когда я курю в этой тегеранской кальянной, у правнучки Семевского Даши день рождения. Ей исполняется два года. И она с младенчества – гражданка США. Мир то ли усложнился, то ли упростился до крайности. Мы и сами не знаем, чего хотим, иногда это выглядит красиво, иногда убого.

...Я стал читать, с каждой страницы все внимательней. Останавливался, думал. Конечно, тяжелый воздух эпохи ко-

режит каждую фразу этого текста. Автор чистит свой дневник от себя, тщательно изымает не только лишнее, но и личное. Остается лишь движение, преодоление, прорыв. Прорыв через пространство и время, прорыв – вопреки любым трудностям, вопреки, казалось бы, самой природе вещей. Если бы среди них появился ницшеанский сверхчеловек, он не стал бы долго разговаривать, осмотрелся бы и взялся за работу.

Шли они так:

«Первый подъем преодолен. Наверху несколько легковых, шестерка, девятка и наша восемнадцатая. Понемногу подползают полутонки № 7 и 10. Валимся в песок. Но нет – отдыхать нельзя, сзади осталось еще много машин, и главное, три «амушки»¹. Пешком возвращаемся к началу подъема. Там горит тяжелая, нервная работа. На подъем укладываются резиновая лента и веревочная лестница, но здесь мало помогает и это сооружение. Приходится тащить машины на себе. Спереди каждой машины привязываются два каната, в них впираются люди. Остальные плотно обхватывают машину. – Раз, два, взяли – раз, два, дружно...

Так, одну за другой, поднимаем машины. А где-то в стороне тоже шум мотора, крики, команды. Это представители Горьковского автозавода проводят несколько машин обходным путем. Тяжелая была ночь. Она не поддается опи-

---

¹ АМО-Ф-15 – первый советский грузовой автомобиль, выпускавшийся серийно московским заводом АМО с 1924 года.

санию».

...На пределе сил, надрывая жилы, не жалея себя. Не надо романтики, мы тоже так умеем. Но стимулы и мотивы – совершенно другие.

Для них была важна даже не пройденная дорога. Это была не вера, нет – точное знание цели, уверенность в том, что здесь и сейчас, с каждым освоенным километром, мир меняется у них на глазах.

Вот что говорит Семевский, и не идеология диктует ему, он сам так думает:

«Не аллах создал пески. И даже не природа их создала. Пески создал человек... Многие сотни лет тому назад пустыня Каракум была покрыта растительным покровом, тогда не имевшим сыпучих, барханных песков. Почему же цветущая равнина превратилась в оголенную страшную пустыню? Придумывали разные глупые легенды: какой-то злой хан, рассердившись на счастливых жителей Каракум (тогда они еще не носили этого звания), повернул течение реки, которая будто бы проходила там, лишил их пресной воды, то есть осуществил такой грандиозный ирригационный проект, который превосходит все сделанное в этом отношении человечеством даже на высокой ступени развития техники. И много других вздорных легенд придумывали досужие люди... Ученые, вольно или невольно, субъективно или объективно, выражали интересы и идеологию российской колонизации, которая заинтересована была в сохранении су-

существующей примитивной системы хозяйства, позволяющей выкачивать из Средней Азии дешевое животноводческое сырье и почти дармовой хлопок. Поэтому они утверждали, что хозяйство, которое существует в пустыне, – единственно возможное в этих природных условиях. Человек, покорись... Так говорили не только офицеры и попы, так говорили и буржуазные ученые. Смирись, человек, покорись перед суровой природой, перед всемогущим аллахом, перед могущественным белым завоевателем, перед своим собственным баем, ага, муллой... И примитивное, каторжное, кочевое хозяйство сохранялось. Сохранялось то самое хозяйство, которое привело к образованию страшных сыпучих барханов».

...Дневники Семевского затягивали, как воронка. Я уходил внутрь текста – путь, бездорожье, эпоха. Пространство, где глоток воды – неоценимый дар, время, где призвание выше свободы и гораздо выше твоих желаний, частных намерений. А надо всем над этим высокое, отчаянно синее азиатское небо, древнее и неизменное, и сухие ветра, которые способны, как пылинку, сдуть мальчишеский азарт советских первопроходцев.

Степной и пустынный океан Азии, это пространство между Россией и Китаем хотелось увидеть своими глазами. Вряд ли что-то принципиально изменилось в его сути. Или я ошибаюсь? Что побеждает в Азии? Современность? Древность? Вечность?

...В одиннадцать друзья проснулись, умылись и позвали к завтраку.

– Доброе утро! Привет! Как спалось?

Утро для меня действительно выдалось добрым, хоть я и не спал ни минуты. Полбутылки виски, три выкуренных сигары и стопка перевернутых машинописных листов. В ту ночь я решил, что в Чили на этот раз точно не поеду. Я обогну Каспийское море, выдвинусь навстречу пескам и барханам, оазисам и каналам, увижу сам древние города и мечети, дороги и арыки – все то, что придумали энтузиасты и построили зэки. В конце концов, надо самому понять, в чем удался и где провалился проект Бориса Семевского и его товарищей. Ведь это проект и моих дедов тоже...

...Вот такая была идея. И она привела меня в тегеранскую кальянную. Свой путь пройдя почти до середины, я назначил тут встречу торговцу персидским табаком. Видно, горбатого могила исправит, я всегда стараюсь соединить бизнес и отдых – точнее, разные пласты и события моей жизни. Призвание и движение. Между ними для меня нет дистанции. Я приехал в Иран и занялся персидским табаком. Хотел отферментировать его на Погарской табачной фабрике, сделать с ним кальянную смесь. Два года назад я создал сигарный блэнд с русским табаком как память о путешествии по России, а теперь собирался впервые в истории сделать сигару с табаком персидским. Почему нет? Пусть она останется знаком этого удивительного странствия, пусть ее дым уведет

нас к «арабским ночам» Пазолини, в мир сказок Шахерезады, к горам и долинам Азии наших снов.

В каждую страну, каким бы романтичным ни был мотив путешествия, стоит приезжать по делу. Это сильно расширяет кругозор и перспективу, позволяет общаться с людьми, которые интересны именно тебе. Ты как бы неизбежно попадаешь в определенный круг, пусть и не совсем свой, но притягательный и важный именно для тебя. В нем особые правила и порядки. Тут неизбежно надо сориентироваться, нырнуть на глубину. Незнание языка и первое изумление уйдут куда-то на периферию сознания, проплывут там, как кадры немого кино.

...Хорошо здесь сидится и думается. Прав был кальянщик, уютно и комфортно, почти как дома. Привал на перекрестке дорог. Ведь это было настоящее странствие – не только по пустыням и оазисам, древним городам и заброшенным кишлакам, грунтовкам и автотрассам, – но и по фантазиям, размышлениям и снам. Путешествие по скукоживающейся (из-за наших скоростей) шагренеовой коже земли, через пространство и время – в поисках воды и жизни.

Да, курение кальяна в городе Тегеране располагает к возвышенному тону. Посмотрим, что мне еще расскажет этот торговец табаком – профессия у него для Азии самая что ни на есть корневая. Хотя я в этот вечер, конечно, предпочел бы поболтать с поэтом. Тем более, в Персии с самых древних времен почти все грамотные мужчины – поэты.

*Легла дорога. Без нее, на деле,
Нам не сложить ни бейта, ни газели.*

Интересно, пишет ли мой табачник стихи? Надо будет у него спросить.

II. «Левый поход» в версии Бориса Семевского

...Итак, в эту историю меня втянул Борис Семевский. От его машинописи исходила какая-то странная энергия. Хорошо, что я прочел текст не в книге и не с экрана, а с этих желтоватых, истончившихся страниц. Интересно, он сам печатал или диктовал машинистке? По крайней мере, правка точно его.

Семевский прожил удивительную и на фоне эпохи достаточно благополучную жизнь. Судите сами: мальчик из дворянской польско-русско-немецкой семьи родился в смоленском имении своего деда Е. В. Рентельна в 1907 году. Когда случилась революция, ему исполнилось десять. Сначала был лишенцем, потом пришел НЭП. Повезло, сумел поступить в ВУЗ. Учился в Тимирязевской академии, на экономическом факультете. Закончил в 1931 году.

Пустыня стала первым его серьезным увлечением. Семевский работал в Туркмении, изучал и описывал злаки под чутким оком знаменитого советского генетика и путешественника Николая Вавилова, тогда президента Академии сельскохозяйственных наук. Именно как ученик Вавилова он и отправился в знаменитый автопробег, в котором стал

главным по науке. Впрочем, это не помешало ему тащить с остальными машины по песку.

Хайдеггер, современник нашего героя, называл это «бытием», в противовес «повседневному существованию». В момент «бытия» в человеке исчезает двойственность, он весь – стрела, пущенная в цель. Таким Семевский предстанет со страниц своего «Дневника». Этой энергии ему хватило еще на несколько лет. В 1934—1938 годах мы застаем его в Туркмении, директором Репетекской песчано-пустынной станции. В 1936-м он возглавлял Каракумскую экспедицию. Это еще очень молодые дела, в ту пору ему не исполнилось и тридцати.

В Репетек в итоге я так и не попал, что очень, конечно, жаль, но что поделать. Сейчас это туркменский заповедник, принадлежит туземной Академии наук. Место, действительно, уникальное. В семидесяти километрах от Амударьи, на границе между Центральными и Юго-Восточными Каракумами, всего несколько десятков гектаров. Здесь, как будто по заказу, перед тобой почти все пейзажи первозданной пустыни – цепи барханов, вершины которых колеблются на ветру, гряды бугристых песков с белым саксаулом и песчаной осокой и даже черносаксаульники – легендарные леса песков. От былой напряженной научной работы остались только воспоминания, но немного воображения – и ты можешь себе представить, какой энтузиазм царил здесь во времена Семевского, какие грезились воздушные замки...

Однако все мечты нашего героя развеяли ветра, причем не сухие ветра пустынь, а болезненные поветрия больших городов, движения воздуха совершенного другого свойства. С каждым годом жить и работать в СССР становилось все трудней. Люди боялись стука в дверь, неловко оброненного слова. Чекисты могли прийти в любой момент – не только за тобой, но и за твоими близкими, коллегами, друзьями. Петля затягивалась и вокруг Вавилова: в 40-м году его арестовали. Во время войны он погибнет в тюрьме, а брат его, физик, человек куда более посредственный, долгие годы будет президентом советской Академии наук.

Та жизнь была своего рода гонкой с преследованием, где часто единственным выходом становился резкий разворот судьбы. Нужно было найти в себе силы уехать, сменить профессию, затеряться. Семевскому пришлось пожертвовать пустыней. Связано ли это было именно с судьбой Вавилова или с какими-то другими, личными обстоятельствами и мотивами? Теперь уже нет в живых людей, способных ответить на этот вопрос. Война застала нашего героя начальником Картографической службы Ленинградского фронта. А в послевоенные годы он круто развернул свои исследования – занимался экономической географией Соединенных Штатов, а потом и Кубы. До самой смерти служил деканом географического факультета Ленинградского университета, а в 70-м был избран вице-президентом Географического общества. В общем, вполне удавшаяся советская академиче-

ская карьера.

Семевский умер в 1976 году, задолго до того, как обозначился крах коммунизма и того большого «левого похода», частью которого стал и знаменитый каракумский автопробег. Но за два года до смерти подлинная страсть и судьба нашего героя вновь дали о себе знать. Семевский оказался одним из немногих, кто поддержал вторую докторскую диссертацию Льва Николаевича Гумилева «Этногенез и биосфера Земли». В Москве тогда эту работу, блистательно защищенную в актовом зале Смольного в Ленинграде, провалили фанатики-ортодоксы из ВАКа.

Семевского многое роднило с Гумилевым – происхождение, профессия. Но главное, их объединила вода и пустыня. Центральная гумилевская идея о ритмическом увлажнении Евразии воскрешала в памяти нашего героя образы молодости, воспоминания о тех местах, где вода не символизирует, а являет собой жизнь, а ее уход – смерть.

Теперь я отлично понимаю эту ностальгию. Я видел бескрайние пространства, лишённые влаги...

Многие азиатские пейзажи выглядят как иллюстрация к гумилевским книгам. Лев Николаевич представлял себе Евразию как огромное пустынное море с разбросанными то тут, то там бесчисленными островами. Оттуда на сельскохозяйственные берега – Европу и Китай – всегда неожиданно, всегда как будто из небытия накатывали огромные волны – ух, гунны, ух, уйгуры, ух, монголы, – накатывали и замирали. И

на долгие десятилетия – тишина, как будто бы ничего и не было. Людям из обжитых и подробно нанесенных на географические карты земель это казалось полной загадкой. Как так? Только что были – и нет их.

Где они все?

...Там, за горизонтом, простиралась территория побега, территория ухода, территория неизвестности. У нее свой ритм, своя страсть. Гумилев называл эту страсть пассионарностью. И мало кто понимал, что пассионарии степи и пустыни, эти жестокие воины, шли вперед по воле песков и по зову воды, этот же зов пестовал их волю и вершил историю. Великий ритм перемещения племен и народов могли прочувствовать только люди, которые работали и жили в этих местах. Этот опыт, совершенно недоступный кабинетным московским ученым, объединил Бориса Семевского и Льва Гумилева, и он же нерасторжимо связан с нашей общей судьбой...

Мы, русские, жили на последнем берегу, на окраине этого мира. Именно для нас эти тьмы и тьмы возникали как бы ниоткуда и исчезали как бы в никуда. Отсюда и идет древнее стремление путника и землепроходца. Очень хочется знать, где они таятся, эти причудливые люди Востока, из какой пустынной дали, из какой глубины времен они движутся к нам, что они несут, что от них ждать?...

И, конечно же, самым загадочным, таинственным из всех завоевателей, подступавших к нашим землям, казался мой

любимый герой – хромой Тимур. История России, если мы ее помним, была связана с ним самым мистическим образом. Москва тогда была только-только разорена Тохтамышем, и тут пошел слух, что оттуда, из глубин пустынь и степей, поднимается новая погирбель, несметное войско, сметающее на своем пути все и вся. Волна подкатила к нашим пределам, смыла безумца Тохтамыша, как будто его и не было, и откатилась назад. Ужас обернулся спасением – так случается очень редко. И с тех пор ордынцы больше уже никогда не жгли русские города...

III. Пристрелочные маневры

...Прежде чем строить маршрут своего азиатского ралли, я встретился с Аржанцевой. Ира Аржанцева, археолог и историк, тень моей бурной юности, всю жизнь занималась Азией, копала в Каракалпакии и Пенджикенте и знала там все. В юности она была совершенно бесподобной красавицей. Мужики, только взглянув на нее, моментально сходили с ума. Сокрушающая жизненная сила, пронзительный и дразнящий взгляд темных глаз, вечная сигаретка в углу рта... Что-то осталось неизменным.

Мы сидели в «Гудвине» на Зубовском и пили кофе. Когда-то здесь курили сигары, но безумный мир совершил еще один кульбит, и теперь проводить время в ресторациях стало куда как скучнее.

«Дневники» Семевского оказались Ире прямо в тему, но

она сразу сказала:

– Той Азии, которую ты ищешь, нет. Есть другая, и о ней не догадывались твои герои. Ни Семейский, ни Гумилев. Ты ведь там вообще никогда не был?

Я, и правда, там не был, в чем тут же и сознался.

– Ну, – сказала тогда Ира, – ты крутой. Сразу – и на байке, без проводника, вперед. Хотя, в общем, конечно, никакой опасности там нет. Это тебе не Африка и не Афганистан. Дороги построили еще в СССР, строят худо-бедно и сейчас. Ислам на месте впечатляет, но не пугает. Наверняка будешь часами разговаривать с муллами и всякими новоявленными дервишами. Их там теперь пруд пруди, как будто не было советской власти. Но вот туркмены могут тебе визу не дать. Тогда тебе придется действительно через Афган ехать. Знаешь, я познакомлю тебя с Саидом. Такой есть человек в Москве, причудливый и яркий, памирец. Они – особый народ. И еще: прежде чем думать о маршруте, неплохо бы тебе слетать туда хотя бы дня на три. Посмотреть своими глазами, куда ты едешь и зачем. Одно дело – чьи-то дневники и воображение, другое – живая реальность. Специфическое это место – Азия после Союза.

...Я решил послушаться Аржанцеву и слетать в Самарканд. Туристическая прогулка имеет свои преимущества. Ты еще человек со стороны, можешь разглядывать новый для себя мир с отстраненным любопытством. Завтра тебя здесь уже не будет, и то, что ты видишь, остается для тебя лишь

декорацией.

Однако с Азией так не вышло. Самарканд сразу взял меня в оборот. Древность, мавзолеи, минареты, долгие разговоры за пловом и чаем – все это казалось только введением в тему, и теперь я знал четко, что надо сюда ехать именно по земле, на мотоцикле, чтоб остаться в какой-то момент один на один с этим пространством и с этим небом.

Первый и единственный мулла, которого я встретил, признался, что и сам любит мотоцикл, катается иногда по Самарканду и к родственникам – в кишлак. Услышав о моих планах, он только и сказал: «Иншалла! Мир открыт путнику. Главное, чтоб взор был распахнут и слух отверст. Хорошо, если ты сумеешь увидеть и услышать, а не останешься в конце пути с тем же, что ты думал и решил про себя заранее. А то мы любим это, а Аллах не любит. Для Него вся Вселенная – открытая Книга жизни, и он хочет, чтоб для нас мир тоже был – открытая книга».

...От сигары, между прочим, которую я ему предложил, этот мудрый богослов не отказался. Обещал, что только попробует, а потом отдаст дяде, который в 80-х бывал на Кубе...

Друзья же мои, которым я рассказал об идее отправиться в азиатское путешествие, поначалу восприняли ее с некоторой долей иронии.

Вадим спросил:

– Ты уверен, что тебе именно туда хочется? Тебе не надоел

совок?

Ипполит просто удивился.

– Странно, я тоже у Инги читал дневники Семейского, и они меня никак не впечатлили. Но каждому свое, как говорил товарищ Ницше.

Но больше всего иронизировал Игорь. Он вообще ерник и балагур.

– Ты, в Азию? – сказал он мне. – Зачем тебе все это? Тебе надо во Фриско, покататься по винным долинам, вот куда. Ты что, баев не видел? Их и у нас довольно. Езжай в Америку, все равно ничего не поймешь в этой Азии.

...Но парень этот, мой владимирский старый друг, не так прост, как кажется на первый взгляд. По крайней мере, он сразу начал со мной говорить только о моем маршруте. Все ему не нравилось, все он меня подкалывал да подначивал.

– Вот, – говорил, – дервиши пешком ходили, а ты на мотоцикле. Тоже мне, вдохновился советскими ребятами на грузовичках. Я тебя с другим азиатом сведу. Тоже фанат пустыни, у меня в доме, на втором этаже живет.

Так Игорь познакомил меня с Толиком, проехавшим в 80-х годах всю Азию автостопом. Причем несколько раз. Парень оказался и вправду любопытный. Двухметрового роста, седовласый, длинноволосый, он, несмотря на глубокие морщины, прорезавшие лицо, никак не выглядел на свои пятьдесят. Чувак совсем без возраста, я даже позавидовал. А ведь ни разу в жизни, вероятно, не ходил в спортзал и не пользовал

соответствующие медикаменты, как иные мои коллеги. Он как бы воплощал остановившееся время, оно не имело власти над ним. И глаза искрились. Интересно, что дает такой эффект? Странствия? Правильные наркотики? Много секса? Легкое отношение к жизни? Отсутствие страха?

В общем, свой человек, это было сразу понятно.

Толик рассказал несколько неповторимых азиатских историй, но одна из них, про его главное азиатское путешествие и особенно про блюдо с портретом, сразила меня наповал. На самом деле не то чтобы Толик хотел так сразу все и выкладывать. Но мы пили хороший самогон, я достал сигары, Игорь, который все слышал уже десяток-другой раз, его поддразнивал и подначивал, упираться было глупо...

IV. Блюдо с портретом. Рассказ Толика про Азию 80-х

– Только давайте я не буду вдаваться в детали, как мы ехали, – сразу предупредил он. – Все можно представить себе, причем легко. Кавказ, потом – в Баку и на паром, от парома в Краснодарске к Ашхабаду, от Ашхабада к Мары, от Мары к Чарджоу. Дальше – опять паром, только теперь через Амударью, и вот тебе – Узбекистан. Сам Ташкент, высокое небо, разноязыкий город, Сеня, живущий в Чиланзаре в квартире с огромным балконом, его подруга Дина, темноволосая девушка смешанного происхождения – да там все «наши» были смешанного происхождения, откуда

другим-то было взяться? – с невероятно низким голосом. Красивая, между прочим. Длинные-длинные и при этом широко распахнутые глаза, острый и прямой нос, никак не нежные, но сильные и властные губы. В общем, она могла и умела, и это умение свое демонстрировала сполна, в чем у нас с Ксюшей не раз была возможность убедиться. В квартире было только одно жилое место – огромный балкон, где и были брошены наши матрасы на расстоянии полутора-двух метров друг от друга. Так что никаких секретов! В центральной России подобных балконов не существовало и в помине. На балконе гуляло солнце, можно даже сказать, властвовало, часам к десяти уже было жарко, хотя только заканчивался март. Зато внутри квартиры пряталась прохлада. Однако пробраться туда было сложно. Маленькая комната и еще меньшая кухня были забиты до отказа – книги, пластинки, одежда, обувь, крупы, наши рюкзаки, мешки с травой. Чтоб извлечь что-то нужное, надо было долго рыться. Лишь трава и «Беломор» обретались сразу. Естественно, они оказывались нужны чаще всего...

В Ташкент мы с Ксюшей приехали из Москвы. Меня тогда пытались выслать за 101-й километр, и я решил благоразумно удалиться самостоятельно и притом намного дальше. А Ксю сказала, как отрезала: «Я еду с тобой». Что ж, едешь так едешь, хотя подруга и автостоп в Азии – в мою голову такое сочетание укладывалось с трудом. Но что, я мог ей впарить, что собираюсь путешествовать автосто-

пом в одиночку? Она бы никогда не поверила. Она бы решила, что я хочу поехать с Веркой или с Дашей. И, несомненно, расстроилась бы. Правда, ни Верка, ни Даша вовсе не собирались никуда отъезжать на полгода, а может и на год, а может и на всю жизнь. На месяц-другой они бы, конечно, рванули, а так, без ясной перспективы возвращения, нет, думаю, кишка тонка. Хотя я и не спрашивал. Вообще хотел один. Но расстраивать Ксюшу – это было выше моих сил. «Только денег у меня совсем нет», – сказал я ей. «Ничего, я найду сотню, – парировала Ксения, и тут же добавила: – но мы ж умеем без денег». Умели, кто спорит. Однако сотню Ксюша нашла, и первый месяц мы шиковали. Доехали до Баку и последнюю десятку отдали за паром. На выходе стали стопить к Ашхабаду, и какой-то туркменский парень на «копейке» сказал: «Садись, поехали!». «А далеко до Ашхабада?» – спросил я его. «Близко, близко, – усмехнулся он, – шестьсот по пустыне, разве это далеко? Мигом домчим». И привез нас в Фирюзу.

Фирюза – роскошный дачный поселок в тридцати с небольшим километрах от туркменской столицы, прямо на границе с Ираном. В XIX веке там селилась русская колониальная элита, и дачные участки раздавались почти задаром. Рай как он есть на открытке. Ущелье, река Фирюзинка, самый большой чинар во всей Центральной Азии.

Несмотря на раннюю весну, все цвело, благоухало, на каждом шагу тебе предлагали роскошные фрукты, соки,

пряности. И это в советское время, когда вообще никакого представления об изобилии ни у кого не было. Мы бы там зависли, может быть и надолго, будь у нас свои деньги, а так бесконечное общение с друзьями водителя, их сыновьями, братьями и кузенами, желающими только одного – трахнуть Ксюшу незамедлительно и в самых разнообразных формах – несколько утомляло. Жалко, теперь туда не попасть, как не попасть вообще в Туркмению, почти закрытую для русских. Тем более закрыта Фирюза – Ниязов построил себе дворец, всех жителей отселил в Ашхабад, и до свидания. Но тут поются уже слова не из нашей песни. Хотя я до сих пор рыдаю, когда вспоминаю это место. Ко всем прочим безумствам курортный поселок заканчивался воротами в Иран. С этим тоже связана целая история. По русско-персидскому договору 1881 года, когда определялись границы наших азиатских владений, Фирюза должна была отойти к персам. Но шах не вернул какие-то земли по Араксу, и мы оставили за собой это блаженное ущелье. Потом иранцы пробовали требовать Фирюзу у Советского Союза, но даже большевички понимали, какое это козырное поселение. В итоге только в 50-х годах юридически территория окончательно отошла к Москве. Граница была бы так близко – рукой подать, минут двадцать пешком, и можно было свободно приехать, гулять, травку курить, слушать реку, вдыхать запах неподобного яблоневого сада (сука Ниязов приказал вырубить сад и устроить водохранилище с осет-

рами)...

Конечно, иранцы кусали себе локти. Бытует легенда, что какой-то чиновник просто продал Фирюзу России. Когда он вернулся в Тегеран, шах велел залить ему горло золотом расплавленных монет, которые тот получил за сделку. Чисто азиатская любовь к дешевой театральщине. В XIX веке платили, разумеется, ассигнациями...

Вернемся, однако, в Ташкент. После двухнедельного пробега по Азии с заездом в старый Мерв и старый Чарджуй, блужданий по музеям и базарам Бухары и Самарканда, трехдневного запоя в Навои, где Ксю когда-то училась в школе (отец ее был спецом по строительству атомных электростанций), Ташкент казался апофеозом современной цивилизации. У Сени можно было, наконец, забыть о том, что Восток – дело тонкое, особенно в исламо-эротическом аспекте, что утомляет и мешает насладиться экзотикой. Счастье и покой навсегда. Благо, вечность под этим высооченным азиатским небом вовсе не казалась метафорой. Время текло так медленно, что, кажется, от пробуждения где-то в два часа пополудни до пяти часов утра, когда все постепенно засыпало, проходила целая жизнь. И проходила она, надо сказать, неплохо, потому что мы целыми днями курили чуйку.

Надеюсь, про Чуйскую долину не надо рассказывать – все знают, что это такое. Только следует заметить, что в ту пору коноплю там еще не жгли и, вообще, никого особо не

трогали, так что дури было много, очень много, и в любой момент могло стать еще больше. Сам Сеня ездил на берега благословенной реки пару раз и рассказывал какие-то совсем нереальные вещи. Можно было просто развести костер и улететь навсегда. Можно было заблудиться и попасть к царице До, которая умела заниматься любовью так, что после этого полгода не будешь ни с кем трахаться, обычная девчонка – просто детский лепет по сравнению с высокой поэзией. Ну и, конечно, «унесенные травой», сонмы призраков, которые по ночам в палатке нашептывают тебе свои истории. От хора их голосов невозможно укрыться. Ты проваливаешься в сон, а они бормочут и бормочут на тысяче разных наречий. Время от времени ты их понимаешь, время от времени это просто гул...

У каждой эпохи и у всякой подобной местности свои герои и свои мифотворцы.

...Пустые карманы, до центра далеко, так что из дома мы выходили редко, да и сил, надо признаться, особенно не было. Трава знала свое дело, она легко умела сродниться с каждым, то есть превратить каждого в растение, и в этой растительной жизни присутствовала такая роскошная нега, что, казалось, вплыть по ней в смерть – лучшая участь, которую только можно себе пожелать.

Однако пару раз мы все же выезжали с Чиланзара всей компанией. Перемещались на другой конец города. Это случилось, когда у Сени появлялись лишняя мелочь – на доро-

гу. Так, однажды мы оказались в массиве Горького, в районе частных домов, где жили только узбеки. Там, у Фатимы и Мурада, план просто сшибал с ног. Я сделал одну тягу, и меня унесло. Уже под утро, когда открыл глаза, увидел во всю стену фотографию моих московских друзей Офелии и Азazelло. «Странно, – подумал я, – мне кажется, что еще вечером на этом месте была просто белая оштукатуренная стенка с трещинами». Хотел было спросить Ксюшу, но это оказалось невозможно. Подруга моя была вроде бы в сознании, даже поднялась, когда мы собрались домой, но потеряла способность произносить слова. Напрочь. Как потом выяснилось, перед глазами у нее стояли совсем иные картинки...

В другой раз заехали к Тимуру, наполовину корейцу, наполовину каракалпаку, отец которого занимал какой-то пост в аппарате местного ЦК. Сам Тимур, ладно скроенный красивый парень лет двадцати пяти, постоянно курсировал между Бишкеком и Ташкентом с заездом в Казахстан, то есть гулял по Долине, сколько ему вздумается и в любое время года. Наверное, в нынешние времена его могли назвать наркокурьером, но одно «но»: он ничего никогда никому не продавал. Да и зачем? По тем временам он получал от родителей денег столько, что истратить не мог. Да и не на что было. Одевали Тимура, как принца, от девушек – не отбиться, в Москве и Питере он уже пожил, и дальше Чуйки путешествовать ему совершенно не хотелось. Он был свое-

го рода сталкер, звал и вел, заманивал и легко мог бросить. «Степь отпоет», – эта знаменитая хлебниковская эпитафия очень в его духе. Правда, говорил он чуть по-другому: «Долина примет», – но суть та же. Существовала у Тимура и его отдельная, хотя и типичная для эпохи, история. На развалинах Баласагуна – древней крепости на берегу реки – ему явился черный старец и поведал о том, как устроен мир. О созвездии Ориона, о девяти сферах, о расах, пришедших с разных звезд, и о многом другом. Смысл жизни открылся для него и не составлял теперь никакого секрета. Тимур не просто сразу понимал, что за человек стоит перед ним, но и точно знал место каждого поэта в космической иерархии поэтов, так что спорить об искусстве или еще о чем-либо с ним было совершенно бесполезно. Да и как поспоришь с человеком, которому внятна истина?

Нас с Ксюшей этот просветленный немедленно определил в самую приятную расу, что и обусловило наше сближение. Скорей всего, ему просто нравилась Ксю. Как-никак, столичная модняцкая штучка, даже несмотря на некоторую обтрепанность в одежде, которая неизбежно возникла после нескольких месяцев стопа. В общем, девушка, обманывающая ожидания. Думаешь увидеть милую хиппушку, а видишь что-то совершенно другое. Однако и сам Тимур не всегда вписывался в общий контркультурный стандарт. О чем мы там говорили между собой, вальяжно вдыхая дым плывущего по кругу косяка? В худшем случае – о Рембо и Губано-

ве, которые почему-то именно в паре были очень популярны в Ташкенте. А в остальном – о девках, парнях, голубых, розовых, о наркотиках, разумеется, об афганском маке и колумбийском порошке, о смерти, конечно, ну и об устройстве мира. Но однажды Тимур сразил нас наповал. Он вдруг обмолвился о феноменологических редукциях и интенциональности сознания, – я чуть со стула не свалился. «Ты что? – смутился Тимур. – Не падай. А с кем мне еще здесь философию перетереть? Сеня явно Гуссерля не читал».

В процессе выяснилось, что ни Сеня, ни Ксюша действительно не читали Гуссерля, а вот красавица Дина читала. До этого она молчала в основном, а тут оживилась и ну сыпать терминами. Оказалось, что барышня три года отучилась на философском в Томске, а потом вернулась домой. Утомилась. Да и трава в Томске дрянная...

...Все это было интересно, нежно и местами пронзительно, но за полтора месяца мы с Ксюшей несколько утомились: однообразно, как ни крути. И захотелось сменить обстановку, благо для этого представилась великолепная возможность.

Матушка моя, востоковед и профессор религиоведения в МГУ, занималась исламом, и среди ее аспирантов всегда присутствовало множество азиатов. В наш дом бесконечным потоком плыли белый лук, помидоры, яблоки, сливы, айва, гранаты и цветы. Образованные азиаты вообще обязательны, а у этих еще присутствовали и карьерные сообра-

жжения, так что они были обаятельны вдвойне. Разумеется, и к отцу, и ко мне, несчастному, тоже подлизывались, иногда звали в ресторан, иногда даже знакомили с девушками. Мама прекрасно понимала природу такого внимания и никогда не обольщалась по части бескорыстной любви учеников к учителю. Но воспринимала их с иронией, благо совсем уж дураков среди них не было, надо было, как минимум, знать арабский, персидский и еще один европейский язык, что подразумевало определенный уровень. А вот любопытные персонажи наличествовали.

Обычно, защитив диссер, азиаты растворялись на бескрайних просторах СССР, но исправно присылали открытки по праздникам. К 1 мая, 7 ноября и Новому году, чтоб достать почту из ящика, надо было брать с собой корзинку или пакет.

Время от времени кто-то проявлялся – приезжали, снова с фруктами и цветами, сватали каких-то знакомых, приводили жен и детей, пытались стать почти членами семьи, выстроить особенный московский клан на материале своего образования. И надо сказать, иногда это удавалось. Дядя Мамед, представитель Таджикской ССР при Верховном Совете Союза, водил меня на парад на Красную площадь, дядя Мамаджан, замечательный, кстати, человек из Горного Бадахшана, катал меня с друзьями на машине по всему Подмосковию, а профессор Агахи, один из лидеров Иранской компартии, читал наизусть Руми и Гафиза на фарси и тут

же переводил на русский. Восточного колорита в моем детстве было предостаточно, я к нему относился абсолютно естественно, и в самаркандской чайхане чувствовал себя не хуже, чем в кафе-баре «Адриатика», куда, живя в Москве, часто забредал в поисках легкого флирта...

И вот один из таких не то чтоб друзей, но все-таки хороших знакомых – Тургун Рузиевич Рузиев, уже почтенный человек и даже доктор наук, совсем неподалеку, в Коканде, возглавлял местный Педагогический институт. Он узнал, что я в Азии, и решительно звал нас в гости. Домашние мои, понятно, просто мечтали, чтоб от сомнительной ташкентской компании мы мягко продефилировали к предсказуемому Тургуну и провели там, в прочных сетях азиатского гостеприимства, хотя бы месяц, а лучше два, а может и три. Тургун был рад-радешенек, мой приезд сулил ему блестящие перспективы по части любви и дружбы с мамой-профессором, но существовал нюанс. Ему нельзя было объяснить, зачем я, собственно, в Азии, и почему так надолго. И тогда матушка придумала блестящий ход. Она сказала, что я пробил себе полевые исследования с полным погружением и занимаюсь религиозными пережитками в быту строителей коммунизма. Это понравилось всем, и только двух вещей не мог понять Рузиев – отчего я с девушкой, и почему у меня так мало денег? Ну, про деньги я быстро придумал, мол, как получил в Москве командировочные, с друзьями все и пропил. Тургун, может, и осуждал в глубине души,

и думал, какие все-таки русские идиоты, но виду не показал, принял версию. Обосновать Ксюшу было сложнее, но как-то и это замялось. В общем, мы поехали в Коканд, однако по обкурке предупредить Рузиева забыли. Или телефон не отвечал, кто теперь вспомнит...

Дорога там – красота невероятная, но недалеко, всего две с половиной сотни километров через перевал Кимчик, около трех тысяч над уровнем моря. Сейчас это великолепное четырехполосное шоссе, а тогда была узкая, нервная трасса, кое-где асфальт, кое-где грунт, голые горы, такие высоты, что дух захватывает. Машину поймали сразу, на выезде из Ташкента, узбек Нозим почти не говорил по-русски. Ну что ж, надо готовиться, Тургун заранее нас предупредил, что в бывшей столице Кокандского ханства русского населения почти нет, и по-русски далеко не все разговаривают. Особенно в окрестных кишлаках. К этому предлагалось отнестись с пониманием, улыбаться, и все тут. Если что, можно сказать, что мы гости, едем к Тургуну Рузиеву. Все поймут, и вопросов не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.